Поссе

Самодержавная буржуазия

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
IIA155
П855

№ 2669
335
П. 61.

Possé: L'Adsolutisme bourgeois

Prix: 10 коп., 25 cent.

BIBLIOTHÈQUE GEORGES KOUKLINE

В. А. ПОССЕ

ЦА155
П 855

Самодержавная Буржуазія и Буржуазное Самодержавіе

изъ книги

«Теорія и практика пролетарскаго соціализма»

ЖЕНЕВА

1905

2 и 148

К.

ЦА155
П855

ИНСТИТУТА

1100
29

Н-6944 у

2010г

У
82

№2669
335
П.61.

Глава IV.

Самодержавная буржуазія и буржуазное самодержавіе.

I.

«Если не по содержанію, то по формѣ борьба пролетаріата противъ буржуазіи сначала національна; пролетаріатъ каждой страны естественно долженъ сначала покончить со своею собственной буржуазіей», говоритъ манифестъ коммунистической партіи. Послѣднюю половину этого положенія мы взяли было для перехода отъ теоретической части программы къ практической, но вскорѣ мы увидѣли, что слова коммунистическаго манифеста въ данномъ случаѣ мало подходятъ къ русской дѣйствительности уже по одному тому, что буржуазія, господствующая въ Россіи, менѣе всего можетъ быть названа національной. «Своею собственной» для русскаго пролетаріата является не только русская, но, пожалуй, еще болѣе нѣмецкая, англійская, французская, бельгійская, вообще западноевропейская буржуазія. Значительная часть «русской» промышленности находится въ рукахъ иностранцевъ. Русскій промышленный пролетаріатъ эксплуатируется не столько русскимъ, сколько *иностраннымъ капиталомъ*.

Русскому соціалдемократу необходимо хорошенько выяснить себѣ роль и значеніе иностранныхъ капиталовъ въ Россіи, такъ какъ отъ этого до *извѣстной степени* зависитъ пониманіе сущности и силы русскаго самодержавія, а отчасти и сущности и силы борющагося съ нимъ русскаго пролетаріата.

Очень много полезныхъ и интересныхъ въ этомъ отношеніи данныхъ можно найти въ извѣстномъ трудѣ Г. Ф. Брандта «Иностранные капиталы». По даннымъ, приводимымъ Брандтомъ, на югѣ Россіи въ концѣ 90-хъ годовъ было 17 большихъ чугуноплавильныхъ заводовъ съ 29 дѣйствующими и 12 вновь строящимися доменными печами; изъ нихъ русскимъ капиталистамъ

2 Б сор

принадлежатъ только три-четыре — Сулинскій, два брянскаго общества и, «можетъ быть», Донецко-Юрьевскій. Изъ 22 болѣе и менѣе крупныхъ южныхъ заводовъ, перерабатывающихъ уже готовый чугунъ или желѣзо, только два или три принадлежатъ русскимъ подданнымъ.

Каменноугольная промышленность тоже находится преимущественно въ иностранныхъ рукахъ.

Въ *Домбровскомъ бассейнѣ* крупныхъ каменноугольныхъ предпріятій — 6, владѣющихъ 11 копями; изъ нихъ 5, владѣющихъ 9-ю копями, принадлежатъ иностранцамъ и только одно предпріятіе (съ 2-мя копями) — «русское», а именно «Варшавское общество каменноугольной и заводской промышленности», учрежденное въ 1874 году проф. Яковымъ Натансономъ и банкиромъ Леопольдомъ Кронебергомъ.

Въ *Донецкомъ бассейнѣ* въ 90-хъ годахъ изъ 15-ти крупныхъ каменноугольныхъ предпріятій 9 принадлежали иностранцамъ. Съ тѣхъ поръ преобладаніе иностраннаго капитала въ донецкихъ каменноугольныхъ предпріятіяхъ еще усилилось, и газеты, сообщавшія осенью 1903 г. о смерти «*послѣдняго русскаго* углепромышленника, Карпова» выразились не слишкомъ не точно.

Не менѣе, если не болѣе сильно преобладаніе капиталовъ въ *нефтяной промышленности*.

Въ этой важной отрасли «русскаго хозяйства» господствуютъ Ротшильды, Нобели и другіе знатные иностранцы.

«Торгово-промышленная газета» (органъ русскаго министерства финансовъ) въ 1903 году писала, что «Нобель, Ротшильдъ и англійскія компаніи, купившія заводы Шибаева и Тагіева въ Баку, диктуя цѣны на нефтяное топливо, до извѣстной степени держатъ въ своихъ рукахъ техническія производства въ Россіи, въ томъ числѣ и хлопчатобумажное».

Но «техническія производства, въ томъ числѣ и хлопчатобумажное» попадаютъ подъ власть иностранцевъ не только косвенно, но и непосредственно.

По словамъ того же оффиціознаго органа министерства финансовъ въ настоящее время «не рѣдки случаи перехода чисто русскихъ хлопчатобумажныхъ предпріятій въ иностранныя руки».

Такъ въ 1902 и 1903 г.г. подъ самой Москвой въ руки иностранцевъ перешли двѣ большія русскія прядильно-ткацкія фабрики, на которыхъ въ 1898 году работало болѣе 8.300 рабочихъ.

Нерѣдко иностранный капиталъ «вступаетъ въ русское дѣло», при чемъ владѣльцемъ продолжаетъ считаться русскій предприниматель. «Чисто-русскія фамиліи» — замѣчаютъ «Московскія Вѣдомости» (1903 г. № 235) — «далеко не всегда говорятъ объ участіи исключительно русскихъ капиталистовъ. Намъ извѣстны нѣкоторыя подмосковныя мануфактуры, гдѣ, со вступленіемъ въ дѣло иностраннаго капитала, сидятъ на директорскихъ мѣстахъ англичане, а вмѣстѣ съ ними появились иностранные техники и мастера».

Вообще иностранный капиталъ проникаетъ рѣшительно во всѣ важныя отрасли промышленности и почти повсюду пріобрѣтаетъ господствующее положеніе. Даже электрическіе трамваи въ большинствѣ русскихъ городовъ находятся въ рукахъ иностранцевъ, преимущественно бельгійцевъ.

«Иностранные капиталы» явились въ Россію со всѣми новѣйшими техническими усовершенствованіями, съ опытными инженерами и мастерами; они перенесли къ намъ промышленность въ ея высшей капиталистической стадіи. Этимъ объясняется, что «на страницахъ исторіи желѣзной промышленности всего земнаго шара», по словамъ горнаго инженера Монковскаго*), «не встрѣчалось примѣра такого быстраго роста чугуноплавильной промышленности», какъ у насъ, особенно на югѣ, «что ни одной странѣ не удавалось въ такой мѣрѣ повысить производительность чугуна за десятилѣтній промежутокъ времени». Россія почти не знала длительнаго и мучительнаго процесса выработки современнаго крупнаго производства, оно явилось къ ней готовымъ, оно немедленно возникаетъ повсюду, куда вторгается иностранный капиталъ. Создавая съ необычайной быстротою крупное производство, «иностранный капиталъ» съ тою же быстротою создаетъ сильный классъ промышленнаго пролетаріата. Капиталъ у насъ иностранный, трудъ же свой собственный, русскій. Русская промышленная буржуазія слаба,

*) «Торгово-промышленная газета» 1898 г. № 188.

русскій промышленный пролетаріатъ силенъ. Это фактъ огромной важности. Марксъ въ своихъ очеркахъ «Революція и контръ-революція въ Германіи» выставляетъ положеніе: «каковъ хозяинъ, таковъ работникъ». «Хозяиномъ» русскаго пролетаріата является буржуазія не столько русская, сколько наиболѣе энергичная англійская, французская, бельгійская, нѣмецкая. Революціонная энергія русскаго пролетаріата кується *отчасти* промышленной энергіей западно-европейской буржуазіи.

Уже само по себѣ крупное капиталистическое производство революціонизируетъ пролетаріатъ. Въ производствахъ, созданныхъ «иностранными капиталами», революціонизирующее вліяніе имѣютъ кромѣ того иностранные мастера и рабочіе, привозящіе съ собою въ Россію не только техническія знанія и ловкость, но и *болѣе высокія*, чѣмъ у русскихъ, *потребности*, большую независимость, чувство собственнаго достоинства и т. п. Русскій стремится подняться до «уровня жизненныхъ потребностей» иностранца, и это стремленіе играетъ роль важнаго революціоннаго фактора.

Способствуя созданію революціоннаго пролетаріата, иностранные капиталисты *косвенно и безсознательно* подкапываются подъ «устои русской жизни», но прямо и сознательно они готовы всѣми силами поддерживать эти устои, столь благопріятныя для капитализма.

Въ то время, какъ Плехановъ и К°, «готовятъ» пролетаріатъ къ буржуазной революціи для расчистки пути капитализму, иностранные капиталисты находятъ, что лучшихъ политическихъ условій для развитія капитализма, чѣмъ политическія условія Россіи трудно подыскать.

Профессоръ одного изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, объѣзжавшій фабрики и заводы Западной Европы, разсказывалъ намъ, что фабриканты, директора и инженеры въ одинъ голосъ заявляли ему, что русское самодержавіе—наилучшая государственная форма для развитія крупной промышленности, и вообще завидовали русскимъ политическимъ условіямъ.

Правда, въ самое послѣднее время иностранные капиталисты были недовольны «зубатовскимъ заигрываніемъ» съ рабочими и вообще правительственнымъ

«попустительствомъ», имъ пришлось даже оказать давленіе на русское правительство черезъ посланниковъ и консуловъ *), но правительство быстро «исправилось» и проявило энергію, которая должна была успокоить иностранныхъ капиталистовъ.

II

Необходимая расчистка пути капитализму была произведена въ 60-хъ годахъ «великими реформами» и, главнымъ образомъ, *освобожденіемъ крестьянъ*.

«Національнаго собранія» у нашей буржуазіи, правда, не было, но у ней былъ «національный обѣдъ», на которомъ присутствовало до 180 интеллигентныхъ представителей «третьяго сословія». Обѣдъ происходилъ 28-го декабря 1857 года въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ Москвы, и на немъ въ торжественной обстановкѣ, кушая русскаго поросенка и запивая его французскимъ шампанскимъ, идеологи и представители русской буржуазіи санкціонировали эру русскаго капитализма и признали русскаго царя политическимъ управляющимъ буржуазной Россіи.

Нѣтъ, кромѣ шутокъ, московскій обѣдъ 28 декабря 1857 года имѣетъ несомнѣнно историческое значеніе, и отчетъ о немъ, составленный М. Н. Катковымъ и помѣщенный въ 12-ой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1857 г. очень важенъ для пониманія либеральнаго «духа» нашей буржуазіи.

На обѣдѣ говорили Катковъ, Л. Станкевичъ, Н. Ф. Павловъ, М. Погодинъ. проф. Бабстъ, Кавелинъ и, наконецъ, знаменитый откупщикъ В. А. Кокоревъ. Всѣ говорили о новой эрѣ и почти всѣ заканчивали свои рѣчи тостомъ за здоровье царя.

«Пусть же знаютъ—говорилъ будущій вдохновитель Александра III Катковъ, — что въ русской литературѣ есть нѣчто, примиряющее всѣ разногласія, и это нѣ-

*) Въ газетныхъ извѣстіяхъ о послѣднихъ стачкахъ на югѣ встрѣчаются сообщенія о посѣщеніи бельгійскимъ посланникомъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ для выясненія необходимости энергичныхъ мѣръ подавленія рабочихъ безпорядковъ.

Съ подобными же «представленіями» являлись иностранные консулы и къ «слишкомъ мягкому» одесскому градоначальнику Арсеньеву.

что есть исполняющійся нынѣ завѣтъ и смыслъ нашей исторіи: это духъ нашего народа, это взаимность живой вѣры, соединяющей народъ и царя, мысль о которомъ неразрывна и едина съ мыслью о благѣ народномъ».

Затѣмъ слѣдовалъ подобающій тостъ за царя.

«Всѣ мы чувствуемъ, въ какую важную, знаменательную эпоху своего развитія и внутренняго устройства вступаетъ Россія—говорилъ Станкевичъ, — какія важныя задачи предстоитъ ей рѣшить по призыву Того, кому Провидѣніе назначило заботливо бодрствовать надъ нею, угадывать ея потребности, искать средствъ удовлетворить ихъ, средствъ обезпечить общее благо всѣхъ ея гражданъ, а въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ несовмѣстимыя начала замѣнить прочными началами справедливости и христіанской любви».

И затѣмъ, по примѣру Каткова, сердечный тостъ за царя.

«Всемогущая воля—восклицалъ радикалъ Н. Ф. Павловъ, основатель „Русскихъ Вѣдомостей“— отклоняетъ отъ себя начинаніе великаго дѣла и предоставляетъ иниціативу дворянству. Встрѣтимъ же высокую мысль, одушевленную единымъ благомъ народа, съ тою просвѣщенною готовностью, которую можно уже требовать отъ Россіи».

И въ заключеніе тостъ за «Того, кто призываетъ Россію на подвигъ правды и добра».

«20-го ноября открываетъ для насъ,—говорилъ другъ Герцена Кавелинъ, — возможность озаботиться о правильномъ устройствѣ нашего экономическаго быта, — я говорю возможность, потому что нашему благоразумію и любви къ отечеству предоставлено ирійскать среднія мѣры для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчащихъ интересовъ. Чтобы оцѣнить весь глубокій смыслъ этого довѣрія, вспомнимъ, что общественная жизнь неудержимо развивается, и не въ человѣческихъ силахъ измѣнить ея ходъ, подчиненный неизмѣннымъ законамъ, но отъ людей зависитъ путь, по которому развивается народная жизнь. Люди или предугадываютъ общественныя потребности и мудро направляютъ въ этомъ смыслѣ свои дѣйствія; или они отстаютъ передъ задачей и, увлекаясь разными побужденіями, отклоняются отъ предстоящаго, ближайшаго дѣла. Въ пер-

вомъ случаѣ жизнь совершается стройно и послѣдовательно, трудности устраняются безъ существенныхъ пожертвованій, со всевозможною пощадою интересовъ всѣхъ и каждаго; во вторыхъ задача все таки рѣшается, но только само собой, какъ придется, съ матерьяльнымъ ущербомъ и безъ чьей-либо заслуги, напротивъ съ утратой нравственнаго достоинства, въ подтвержденіе *неоспоримой истины, что правда, нравственность и выгода соединены нерасторжимыми узами.*

Начало предстоящаго святого дѣла счастливо предзнаменуетъ первый путь. Задача указана и поставлена *въ разумныхъ предѣлахъ. Просвѣщеннѣйшему сословію, стоящему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другого рѣшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль, въ этомъ, Мм. Гг., скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха.*

Кто просвѣщеннѣе другихъ, тотъ, естественно, и разумнѣе; кто высоко стоитъ на общественной лѣстницѣ, тотъ и способнѣе обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей, а высокое призваніе нравственно подымаетъ каждаго человѣка, тѣмъ болѣе сословіе, принимающее дѣятельное участіе въ судьбахъ народа.»

И въ концѣ концовъ, чтобы не отстать отъ Каткова, Станкевича и Павлова, опять таки тостъ за «Того и пр».

Рѣчь Кавелина вызвала особенно шумные аплодисменты, и Катковъ сопровождаетъ ее справедливымъ замѣчаніемъ: «Рѣчь эта, какъ нельзя лучше, говоритъ сама за себя». Да эта рѣчь, какъ нельзя лучше, говоритъ само за себя, но не менѣе хорошо она говоритъ и за всю русскую либерально-дворянскую буржузію, для которой неоспорима истина, что «правда, нравственность и *выгода* соединены нерасторжимыми узами».

Прекраснымъ дополненіемъ къ кавелинской характеристикѣ «просвѣщеннѣйшаго сословія» служитъ рѣчь М. Погодина. Указавъ на огромныя заслуги дворянства передъ отечествомъ, Погодинъ спрашиваетъ:

«Останется ли дворянство равнодушнымъ къ тому великому, гражданскому и человѣческому подвигу, который теперь ему представляется? Нѣтъ, этого не будетъ, и этого не можетъ быть! Ему нужно только съ *свойственнымъ этому сословію вообще въ Европѣ благоразуміемъ и осторожностью* вникнуть въ *великое* и вмѣстѣ *мудреное* дѣло; ему нужно ознакомиться ближе со всѣми возникающими явленіями, удостовѣриться въ твердости и *благонадежности* новыхъ отношеній, *уравновѣсить всѣ частныя выгоды*, къ *общей всего народа пользѣ*. Задача мудреная, которую вдругъ рѣшить невозможно. Всякое право священно, оборони Богъ отъ какого бы то ни было нарушенія чьего-либо права».

Погодинъ въ своемъ восторгѣ передъ сословіемъ не только просвѣщеннѣйшимъ, но и осторожнѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ, поднялъ бокалъ уже не за «Того и пр. и пр.», а «въ честь и благодарность достойнаго историческаго дворянства».

Революціонное (въ буржуазномъ смыслѣ) значеніе и смыслъ отмѣны крѣпостнаго права ясно и опредѣленно указалъ въ своей рѣчи профессоръ Бабстъ.

«Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія говорилъ Шторху одинъ изъ фабрикантовъ, родоначальниковъ нашей мануфактурной промышленности, что послѣдняя не можетъ широко развиваться при обязательномъ крѣпостномъ трудѣ; еще въ 1819 г. увѣнчало Вольное экономическое общество сочиненіе, доказавшее строго фактически всю невыгоду крѣпостного труда для сельскаго хозяйства.

«Время первобытныхъ формъ народнаго хозяйства проходитъ и для насъ безвозвратно. Потребности великаго народа растутъ, и имъ нельзя уже удовлетворить незатѣйливыми и неразвитыми формами первобытнаго хозяйства, *основаннаго на крѣпостномъ трудѣ, трудѣ неповоротливомъ и мало производительномъ*.

Намъ нужно не только удвоить, но удесятерить свое производство, свой трудъ и богатство, чтобы только опередившіе насъ въ экономическомъ развитіи народы не отбили у насъ рынковъ, принадлежащихъ намъ по праву, по нашимъ географическимъ и историческимъ условіямъ. Усилить же наши производительныя силы можемъ мы только при правильной организаціи народнаго труда, который тогда сильно и гордо броситься

на разработку и обработку богатствъ, кроющихся въ нѣдрахъ нашей родины».

«За процвѣтаніе же и успѣхъ свободнаго русскаго труда».

«Свободный трудъ» капитализму необходимъ, безъ «свободныхъ же учрежденій» онъ свободно можетъ обойтись.

Глубже всѣхъ проникъ въ сущность революціи, совершавшейся у насъ 55 лѣтъ тому назадъ, В. А. Кокоревъ, этотъ откупщикъ изъ мужиковъ, этотъ видрый представитель нашей *чумазой буржуазіи*.

Во время обѣда онъ ограничился нѣсколькими теплыми словами и предложеніемъ еще и еще выпить за драгоцѣнное здравіе «Того и пр. и пр.».

«Настоящую рѣчь» Кокоревъ почему то не произнесъ на обѣдѣ, а приложилъ ее къ протоколу или отчету обѣда.

Эту настоящую рѣчь «геніальнаго» откупщика Катковъ характеризуетъ, какъ «поступокъ».

Для чумазыхъ «освобожденіе» открывало такую широкую перспективу народной эксплуатаціи, что они въ лицѣ Кокорева предлагали взять на себя даже часть расходовъ по выкупу крестьянскихъ душъ.

«Царь уповаетъ на народъ, — гласила рѣчь, приложенная къ протоколу, — народъ уповаетъ на царя. Вотъ *въ этомъ взаимномъ упованіи* и состоитъ русская особенность и рѣзкая разница между Европой и Россіей. Пусть теперь углубится Европа во внутренній смыслъ нашихъ настроеній; вѣдь вездѣ отъ этихъ настроеній происходятъ всѣ прочія явленія въ жизни народовъ.

Европа въ своихъ движеніяхъ приходила къ пропасти смутной неизвѣстности; *мы пришли къ упованію;* значитъ, *мы читали исторію европейскихъ народовъ внимательно и обратили въ свою пользу самую-нашу запоздалость*».

Развивъ затѣмъ мысль о необходимости уплатить мелкопомѣстнымъ дворянамъ за крестьянскія усадьбы и огороды и вознаградить помѣщиковъ сѣверныхъ губерній, гдѣ половина дохода помѣщиковъ извлекается изъ ихъ личнаго права на крестьянина, Кокоревъ продолжалъ:

«Другое дѣло губернія хлѣбородныя и черноземъ-

ныя. *Тамъ помѣщики будутъ въ большой выгодѣ отъ новаго порядка.* Вотъ живыя доказательства: недавно я купилъ въ Орловской губерніи 2200 десятинъ земли у графа Р. за 100.000 рублей и отдалъ эту землю въ аренду за 9000 руб. въ годъ, тогда какъ имѣніе съ крестьянами никогда не можетъ дать такихъ процентовъ. Въ той же губерніи мнѣ предлагаетъ князь О. 3500 десятинъ земли по той же разцѣнкѣ, какъ я купилъ у графа Р.; но я не могъ на это согласиться потому только, что на этой землѣ живутъ 500 крестьянъ, значитъ и нѣтъ возможности пріобрѣсти эту землю купцу, а владѣніе подъ чужимъ именемъ никому не понутру. Надо вамъ сказать, что за 500 лицъ крестьянъ никакой не полагалось цѣны».

Выясняя, какъ выгодно помочь правительству въ «освобожденіи крестьянъ», Кокоревъ говоритъ:

«Мы всегда скупы на такіе расходы, гдѣ выгода отвлеченна; *но въ дѣлахъ очевидной пользы никто и никогда не затрудняется.* Сдѣлать выгоду отъ устройства крестьянъ очевидною для всѣхъ — есть дѣло литературы: тогда возбудится во всѣхъ желаніе участвовать въ пожертвованіяхъ...»

«Зачѣмъ держать въ секретѣ такія благодѣтельныя предположенія и желанія, извѣстность о которыхъ дѣйствовала бы успокоительно на многихъ, какъ напримѣръ: предположеніе *нѣкоторыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ подарить своимъ крестьянамъ усадебную осѣдлость;* другое, еще болѣе широкое предположеніе со стороны богатѣйшихъ, дать бѣднымъ и часть землицы, чтобы было можно на ней попахать и коровку покормить, дабы черезъ это пособіе и бѣдные крестьяне обратились въ зажиточныхъ? Мы не будемъ называть теперь славныя имена этихъ истинныхъ благодѣтелей; но пройдетъ время, когда всѣ почтутъ за обязанность и долгъ воздать имъ дань признательности отъ лица всей земли Русской...»

«*А желаніе купцовъ покупать населенныя земли для отдачи ихъ въ аренду* крестьянамъ, само собой разумѣется безъ всякаго права на вмѣшательство въ частную жизнь крестьянъ, *принесло бы удивительную пользу.* Сколько бы мелкопомѣстныхъ дворянъ сейчасъ же получили деньги за свои помѣстья?

«Купцы имѣютъ обычай жертвовать огромныя суммы

на поминки. Какое славное назначеніе для этихъ суммъ!

«О нашемъ времени наши дѣти и внуки скажутъ: Знаменателенъ былъ 1858 г. Царь, въ упованіи на дворянъ и народъ, произнесъ желаніе устроить положеніе крестьянъ. Крестьяне съ твердымъ упованіемъ ждали покойной развязки этого дѣла, дворяне разстались съ своимъ правомъ и промѣняли прежде *неблагозвучное выраженіе душевладѣльцы на человѣческое слово землевладѣльцы*, сдѣлавъ это также съ твердымъ упованіемъ на то, что отъ общаго развитія жизни, доходы ихъ отъ земли возмѣстятъ личные, подушные оброки съ крестьянъ, а купцы сами вызвались заплатить небогатымъ дворянамъ за жилища крестьянъ. Всѣ помогали дѣлу по мѣрѣ своихъ силъ».

Въ этой рѣчи «откупщика изъ мужиковъ» необычайно вѣрно показана сущность *предстоявшей* тогда реформы, которую многіе интеллигенты и до сихъ поръ еще, черезъ полстолѣтія послѣ ея проведенія, не могутъ себѣ хорошенько уяснить.

«Неблагозвучное» выраженіе душевладѣльцевъ измѣнилось въ благозвучное землевладѣльцевъ, въ число которыхъ могли свободно вступить Разуваевы и Колупаевы, и отдача земли крестьянамъ въ аренду принесла имъ по истинѣ «удивительную пользу». Продолжали разувать и колупать мужика и чистокровные дворяне, особенно тѣ, которые облагодѣтельствовали своихъ крестьянъ, подаривъ имъ не только усадебную осѣдлость, но еще и четверть нормальнаго надѣла.

Для Кокорева было, какъ дважды два — четыре, несомнѣнно, что наступило время, когда выгоднѣе имѣть землю безъ мужиковъ рядомъ съ мужиками безъ земли, чѣмъ владѣть мужиками съ землею. Онъ зналъ также, что выгода сравниваетъ бѣлую кость съ черной, дворянскую буржуазію съ чумазой и что объединяющимъ цементомъ является «*упованіе*», именуемое менѣе удачно самодержавной бюрократіей, бюрократическимъ самодержавіемъ или просто самодержавіемъ. Русская буржуазія, дѣйствительно, внимательно прочла исторію европейскихъ народовъ и предпочла *упованіе* революціоннымъ дѣйствіямъ. Европейская буржуазія точно также послѣдовала совѣту русскаго чумазаго и «углуби-

лась во внутренній смыслъ русскихъ отношеній». Въ Россію подъ «охрану» упованія явились иностранные капиталы; но этого мало: въ бездонный мѣшокъ «упованія» посыпались милльярды, скопленные французскими и нѣмецкими буржуями; гимнъ «упованія» «боже царя храни» встрѣчался рукоплесканіями въ республиканской столицѣ, новые улицы и монументы которой стали называться въ честь главы русскаго упованія, русскаго царя. Въ «упованіи» слились титулованные и не титулованные, бѣлокостные и чумазые, чиновные и нечиновные, просвѣщенные и не просвѣщенные распорядители и эксплуататоры «освобожденнаго труда». Сюда присоединились и представители буржуазіи заграничной и этимъ ускорили ростъ борца, которому суждено покончить со всѣмъ этимъ «упованіемъ».

Французскій кличъ «Enrichessez-vous!» (Обогащайтесь!) у насъ перевели: «Грабьте, воруйте!» Въ этомъ грабежѣ спѣшили принять участіе и чумазые, и бѣлокостные, и чиновники, и самъ самодержецъ. Одни берутъ концессіи и даютъ взятки, другіе даютъ концессіи и берутъ взятки; одни грабятъ народъ частнымъ образомъ, другіе казеннымъ; интенданты превращаются въ поставщиковъ, поставщики въ интендантовъ, биржевые дѣльцы въ министровъ, министры въ биржевыхъ дѣльцовъ; бюрократы — свои люди и для дворянъ, и для промышленниковъ, и для купцовъ; для однихъ повышаются пошлины, для другихъ создается золотой банкъ и выдаются вывозныя преміи; народныя деньги бросаются направо и налѣво, при чемъ не забываются, конечно, и чиновные карманы. Въ этомъ *всероссійскомъ упованіи* всѣ — товарищи, всѣ—братья въ наживѣ, всѣ, начиная съ царя, кончая чумазымъ, — капиталисты, предприниматели и казнокрады. Разумѣется, товарищи и братья часто ссорятся, такъ какъ лакомыхъ кусковъ не хватаетъ для всѣхъ, разумѣется многимъ кажется, что они обижены, что братья, состоящіе въ данный моментъ чиновниками, плохо дѣлятъ казенный пирогъ, что они сами бы дѣлили его лучше, разумѣется даже и братья во чиновничествѣ подкапываются другъ подъ друга и дерутся между собою изъ самого большого ножа, чтобы отрѣзать самый большой кусокъ.

Взаимныя ссоры обостряются, усиливаются, когда

почва подъ ногами начинаетъ колебаться, когда рабочій народъ, на спинѣ котораго разыгрывается все это «упованіе», начинаетъ поводить широкими плечами и разгибать свою могучую спину...

И тогда раздаются крики о похищеніи упованія бюрократами, объ извращеніи его природы и т. д. Эти крикивъ настоящее время можно встрѣтить и на страницахъ «Гражданина» и на страницахъ «Освобожденія», несмотря на то, что эти два органа стоятъ на противоположныхъ полюсахъ самодержавной буржуазіи.

Прочтите, напримѣръ, плачъ по самодержавію какого-то «земца» плачъ, именуемый «На поворотѣ» и помѣщенный Струве въ первой *книжкѣ* «Освобожденія», хотя и съ оговоркой, но все же съ удовольствіемъ, какъ плачъ *союзника*.

Союзникъ и сотрудникъ Струве опредѣляетъ истинное самодержавіе, какъ «живую власть, осуществляющую живую правду». Оно, по его словамъ «покоится въ глубинѣ историческаго прошлаго и связано преданіемъ съ великими событіями народной жизни...»

Но, увы, бюрократія мѣшаетъ этой живой власти осуществлять живую правду.

«Для истинной жизни верховной власти» — философствуетъ сотрудникъ «Освобожденія» — «нужны нравственныя начала, которыя служили бы основаніемъ для единенія и союза съ живыми духовными силами народа», а въ настоящее время «поддерживаются и распространяются взгляды, что верховная власть, только опираясь на силы бюрократіи, можетъ сломить революціонныя движенія, путемъ приказа начальства водворить порядокъ и добрые нравы, при помощи чиновниковъ духовнаго вѣдомства укрѣпить народныя массы въ духѣ покорности православной церкви и самодержавію». Почтенный «земецъ» изъ дворянъ, видимо, хочетъ увѣрить самодержца, что ему, земцу въ компаніи со Струве удастся то, что не удается бюрократіи: «сломить революціонныя движенія, водворить порядокъ и добрые нравы, укрѣпить народныя массы въ духѣ покорности православной церкви и самодержавію».

Не въ первый уже разъ со страницъ «Освобожденія» раздаются крики недовольныхъ «унывающихъ» о неспособности бюрократіи подавлять революціонныя

движенія, въ частности, рабочія, но повѣрьте, «милые бранятся, только тѣшатся»: въ концѣ концовъ они все же бросятся въ объятія своихъ чиновныхъ братьевъ съ крикомъ: «руби, стрѣляй, вѣшай», и самымъ неучтивымъ образомъ оттолкнутъ отъ себя Струве, этого «рыцаря печальнаго образа», который пойметъ тогда, какую печальную роль онъ игралъ въ этой буржуазной «вспышкѣ у домашняго очага». Ахъ, эти вспышки! Имъ не надо придавать серьезнаго значенія. Гдѣ ихъ не бываетъ?! Возьмите хотя бы почтенное товарищество «Искры», устроенное для расчистки пути капитализму, внесенію классовой борьбы въ деревню, поддержки всякаго оппозиціоннаго движенія, войны съ революціонными фракціями и другихъ столь же полезныхъ, пріятныхъ и выгодныхъ предпріятій. Все шло превосходно, товарищи были также единодушны и краснорѣчивы, какъ «народные представители» на вышеописанномъ московскомъ обѣдѣ; но товариществу вздумалось устроить торжественный съѣздъ; съѣздъ вышелъ поистинѣ «*невиданный*», «*небывалый*», и вотъ послѣ этого «небывалаго съѣзда» часть «товарищей» вдругъ неистово начинаетъ кричать: «Долой самодержавіе, долой бюрократію», причемъ имѣетъ въ виду не самодержавіе Романова, не бюрократію Плеве, а самодержавіе и бюрократію своихъ собственныхъ министровъ. Но стоитъ крикунамъ удѣлить частицу партійнаго «самодержавія», и они успокоются.

III.

Съ нашей точки зрѣнія между самодержавіемъ и буржуазіей не существуетъ антагонизма: самъ самодержецъ и всѣ главные бюрократы — буржуа; съ другой стороны въ каждомъ русскомъ буржуа и въ каждомъ иностранномъ буржуа на русской почвѣ есть частица самодержавія. Самодержавіе это одна изъ формъ политическаго господства буржуазіи. *Это воля угнетающаго класса, являющаяся произволомъ по отношенію къ классу угнетаемому.*

Въ началѣ 70-хъ годовъ нѣкоторые русскіе революціонеры отдѣляли политическую власть отъ власти капитала, которая у насъ была, по ихъ мнѣнію, лишь въ зародышѣ.

Ткачевъ въ своей извѣстной полемикѣ съ Энгельсомъ заявлялъ: «У насъ нѣтъ городского пролетаріата, это, конечно, вѣрно; но за то у насъ нѣтъ также и буржуазіи... нашимъ рабочимъ придется бороться только съ *политической властью*,—*власть капитала* у насъ еще въ зародышѣ. И Вамъ, Милостивый Государь, должно быть извѣстно, что борьба съ первой гораздо легче, чѣмъ со второй». Отождествляя политическую власть съ государствомъ, Ткачевъ утверждалъ далѣе, что русское государство «только издалека кажется силой». «У него нѣтъ корней въ экономической жизни народа; *оно не воплощаетъ въ себѣ интересовъ ни одного сословія*... У васъ (въ Западной Европѣ) государство не кажущаяся сила. Оно опирается обѣими ногами на капиталъ; оно воплощаетъ въ себѣ извѣстные экономическіе интересы... У насъ дѣло обстоитъ совсѣмъ наоборотъ, — наша общественная форма обязана своимъ существованіемъ государству, *этому такъ сказать висящему въ воздухѣ государству*, которое не имѣетъ ничего общаго съ существующимъ общественнымъ порядкомъ, государству, корни котораго въ прошломъ, а не въ настоящемъ.»

Эти путанныя разсужденія Ткачева получили отъ Энгельса основательную отповѣдь.

«Крупная буржуазія Петербурга, Москвы, Одессы»— писалъ Энгельсъ въ 1875 году въ журналѣ «эйзенахцевъ» «Volksstaat»,—которая въ послѣдніе десять лѣтъ, особенно благодаря желѣзнымъ дорогамъ, неслыханно быстро развилась и имѣла удовольствіе за послѣдніе шарлатанскіе годы принять участіе въ крахѣ, всѣ экспортеры зерна, конопли, льна, сала, всѣ дѣла которыхъ построены на нищетѣ крестьянъ, вся крупная русская промышленность, существующая только охранительными пошлинами, даруемыми ей государствомъ, всѣ эти значительные и быстро ростущіе элементы населенія не имѣютъ будто бы никакого интереса въ существованіи русскаго государства? Не говоря уже о безчисленномъ войскѣ чиновниковъ, которое заполняетъ и разворовываетъ Россію — и составляетъ тамъ настоящее сословіе. И если господинъ Ткачевъ увѣряетъ насъ все же, что русское государство «не имѣетъ корней въ экономической жизни народа, не воплощаетъ въ себѣ интересовъ никакого сословія, что

оно виситъ въ воздухѣ, то намъ представляется, какъ будто въ воздухѣ виситъ не русское государство, а г. Ткачевъ».

Не смотря на эту отповѣдь Энгельса, шесть лѣтъ спустя, другой русскій революціонеръ П. Б. Аксельродъ поучалъ Хурскій международный соціалистическій конгрессъ совершенно въ духѣ Ткачева.

«Не говоря уже о значительной разницѣ въ политическомъ гнетѣ, не слѣдуетъ забывать — говорилъ Аксельродъ, — что въ Германіи и теперь даже правительство представляетъ собою все-таки агента экономически привиллегированныхъ классовъ и *непосредственно* опирается хотя-бы на классъ землевладѣльцевъ, а отчасти и крупной буржуазіи. Первостепенную роль въ подавленіи низшихъ классовъ играютъ все-таки политически организованныя имущественныя сословія. Правительственныя лица не могутъ здѣсь считаться одни отвѣтственными за преслѣдованія соціалистовъ и подавленіе рабочаго движенія. Послѣднее является организованной борьбой низшихъ классовъ противъ высшихъ—и система террора противъ представителей власти быть можетъ еще и въ данную минуту была бы нецѣлесообразной въ Германіи...

«*Наше правительство не опирается на какой-нибудь, хотя-бы консервативный, классъ общества.* Развившись изъ историческихъ условій, оно въ настоящее время опирается только на массу чиновниковъ и солдатъ, представляя собою разбойничью шайку, высасывающую жизненные соки страны и безпощадно подавляющую всякую оппозицію изъ какого-бы класса общества она не исходила. Искреннихъ защитниковъ у него нѣтъ или очень мало. Значительная часть общества индифферентна къ борьбѣ революціонныхъ элементовъ съ правительствомъ. *Недовольные же элементы всѣхъ классовъ прямо или косвенно содѣйствуютъ революціоннымъ группамъ и спеціально «исполнительному комитету»* — какъ центру борьбы противъ общаго врага. Такимъ образомъ борьба ведется собственно между двумя организованными группами—революціоннымъ меньшинствомъ съ одной стороны и правительствомъ съ другой. Желая собственными силами подавитъ революцію *ради своихъ личныхъ*

интересовъ, правительство должно само и нести отвѣтственность за всѣ свои звѣрскія дѣянія».

И это говорилось уже послѣ 1-го марта 1881 года, уже послѣ того, какъ каждое либеральное копыто старалось возможно больнѣе ударить умиравшую «Нар. Волю», послѣ того, какъ многочисленная категорія либераловъ, которыхъ Плехановъ характеризуетъ, какъ «честныхъ и неподкупныхъ, умныхъ и образованныхъ», «искренно сочувствующихъ страданіямъ своей родины, всею душою стремящихся принести ей пользу» *), устами Чичерина заявила, что «власти необходимо прежде всего показать свою энергію, что она не свернула своего знамени передъ угрозой».

Противоположный ткачево-аксельродовскому взглядъ на соотношеніе между самодержавіемъ и буржуазіей господствовалъ среди значительной части русскихъ соціалдемократовъ, работавшихъ въ Россіи во второй половинѣ 90-хъ годовъ. Взглядъ этотъ нашелъ себѣ выраженіе, между прочимъ, въ брошюрѣ «Кто совершитъ политическую революцію?», напечатанной въ одной изъ тайныхъ типографій въ предѣлахъ Россіи.

Въ этой брошюрѣ очень много цѣнныхъ замѣчаній, направленныхъ противъ революціонеровъ, проникшихся плехановскимъ духомъ и впослѣдствіи укрѣпившихся въ «Искрѣ».

«У насъ—говоритъ авторъ—распространено мнѣніе, что господствующимъ элементомъ въ русскомъ обществѣ является «абсолютизмъ», который представляетъ изъ себя какую-то особую силу, стоящую внѣ классовъ и надъ классами; этотъ абсолютизмъ «покровительствуетъ» теперь крупной буржуазіи, какъ прежде «покровительствовалъ» онъ помѣщикамъ; буржуазія пока мирится съ господствомъ этой поддерживающей ея силы, но по существу дѣла она находится въ непримиримомъ антагонизмѣ съ своей временной благодѣтельницей; до поры, до времени антагонизмъ этотъ находится въ скрытомъ состояніи, но не далекъ уже тотъ день, когда онъ прорвется наружу, — буржуазія возстанетъ противъ абсолютизма и потребуетъ дарованія «народу», т. е. прежде всего ей самой, права

№ 6944

*) См. Рецензію Г. П. въ «Зарѣ» (№ 2-3 стр. 357) на книгу: «Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія».

участвовать въ законодательствѣ при посредствѣ своихъ представителей. Исходя изъ такого взгляда, многіе теперешніе революціонеры формулируютъ ближайшую задачу русскаго пролетаріата такъ: пролетаріатъ долженъ итти рука объ руку съ буржуазіей въ ея борьбѣ противъ общаго врага всѣхъ классовъ русскаго общества, — противъ абсолютизма; и, только низвергнувъ абсолютизмъ, онъ очутится лицомъ къ лицу съ своимъ собственнымъ врагомъ — буржуазіей и поведетъ противъ нея борьбу правильно организованную, открытую, нестѣсняемую никакими «внѣшними» препятствіями, вродѣ «произвола администраціи» и т. д., — словомъ борьбу, совершающуюся въ рамкахъ правового порядка».

Опровергая этотъ, какъ видите, чисто «искровскій» взглядъ, авторъ брошюры говоритъ:

«Прежде всего, абсолютизмъ есть вовсе не какая-нибудь самостоятельная общественная сила, стоящая надъ классами, а только извѣстная форма государственнаго устройства, т. е. форма организаціи господства того или иного класса. Эта форма, подобно всякой другой государственной формѣ, должна наполниться какимъ-нибудь опредѣленнымъ содержаніемъ, т. е. за абсолютизмъ долженъ стоять какой-нибудь классъ. Не государственная форма сообщаетъ силу классу, а наоборотъ — она сама получаетъ силу отъ класса. Слѣдовательно толковать объ «абсолютизмѣ», какъ о самостоятельной силѣ «покровительствующей» излюбленному ею классу — значитъ переворачивать дѣйствительность вверхъ дномъ.

Спрашивается далѣе, какимъ классовымъ содержаніемъ можетъ вообще наполняться абсолютическая форма государственнаго устройства и какой именно классъ даетъ ей силу у насъ въ настоящее время?

Сторонники разсматриваемаго воззрѣнія предполагаютъ, что господство буржуазіи можетъ облекаться только въ одну опредѣленную форму государственнаго устройства, которая поэтому и называется буржуазною. Въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ не то.

Буржуазія господствуетъ во всѣхъ странамъ Западной Европы и въ Америкѣ, а между тѣмъ формы государственнаго устройства во всѣхъ этихъ странахъ далеко не одинаковы. Стало быть, господство буржу-

азіи можетъ уживаться съ различными государственными формами. Почему оно не способно уживаться съ абсолютизмомъ?»

Далѣе авторъ устанавливаетъ разницу между положеніемъ буржуазіи на Западѣ и у насъ, объясняя ее главнымъ образомъ, тѣмъ, что подъ вліяніемъ необычайно быстро развивающагося у насъ капиталистическаго хозяйства, дворянское сословіе, такъ сказать, преждевременно окончательно ослабѣло. Наша буржуазія не имѣла, такимъ образомъ, по мнѣнію автора, «сильнаго соперника, съ которымъ бы ей приходилось бороться за классовое преобладаніе въ обществѣ, за политическое господство. Возвышеніе «всероссійскаго купечества», на степень не только экономически, но и политически господствующаго класса совершилось постепенно и незамѣтно; оно не встрѣчало сколько-нибудь значительнаго отпора со стороны одряхлѣвшаго и сходящаго съ исторической сцены хозяина дореформенной Россіи...»

«Вотъ почему наша буржуазія не совершила, не могла совершить и никогда не совершитъ политической революціи, она и такъ получила все, что ней нужно для упроченія своего господства...»

«Да, наша буржуазія пользуется всѣми правами, которыми пользуется западноевропейская буржуазія въ государствахъ съ «представительнымъ правленіемъ». Разница только въ томъ, что эти права русской буржуазіи не оформлены на бумагѣ, не подтверждены въ законодательномъ порядкѣ. Но отъ этого нашъ чумазый не только ничего не проигрываетъ, а напротивъ, очень много выигрываетъ; неоформленныя права гораздо лучше обезпечиваетъ его господство надъ пролетаріатомъ. Въ абсолютной монархіи верховная власть юридически принадлежитъ самодержцу, въ монархіи ограниченной — народу, но фактически въ томъ и въ другомъ случаѣ верховная власть находится въ рукахъ господствующихъ классовъ. Первая форма государственнаго устройства гораздо удобнѣе для господствующаго класса, чѣмъ послѣдняя.

Въ Россіи юридически безправны всѣ классы, фактически же пользуется всѣми правами одна лишь буржуазія. Оформить свое господство, превратить свои фактическія права въ юридическія—для нея невыгодно

ибо это значило бы провозгласить принципъ юридической принадлежности верховной власти всѣмъ классамъ общества и такимъ образомъ дать пролетаріату юридическую точку опоры для притязаній на фактическое пользованіе правами, которыя признаны за всѣми слоями населенія.

Напротивъ при абсолютической формѣ правленія буржуазія, фактически пользуясь всѣми правами господствующаго класса, юридически является такой же безправною, какъ и пролетаріатъ — она господствуетъ слѣдовательно подъ личиной безправія. Этой юридической фикціей всеобщаго безправія передъ лицомъ самодержца замаскировывается политическое господство буржуазіи до такой степени, что даже многіе изъ нашихъ революціонеровъ, стремящихся организовать русскихъ рабочихъ въ самостоятельную партію, вѣрятъ нелѣпой сказкѣ о безправности нашей буржуазіи, и о скрытомъ антагонизмѣ между нею и абсолютизмомъ; исходя изъ такого, основаннаго на фикціи, воззрѣнія, они и приходятъ къ совсѣмъ не соціалдемократическому выводу, что русскій пролетаріатъ долженъ—не завоевывать для себя политическія права у буржуазіи, а напротивъ, помогать этой буржуазіи... низвергнуть абсолютизмъ, чтобы провозгласить юридическій принципъ принадлежности верховной власти народу. Въ дѣйствительности современный русскій абсолютизмъ представляетъ изъ себя ничто иное, какъ самодержавіе русской буржуазіи, ея полное, безусловное, исключительное и неограниченное господство надъ низшими слоями населенія, прежде всего и болѣе всего—надъ пролетаріатомъ».

Въ этихъ разсужденіяхъ много вѣрнаго, но авторъ дѣлаетъ ошибку, сводя нашу буржуазію къ «всероссійскому купечеству», къ «чумазому», противопоставляя ее «слабому» дворянству, и не замѣчая огромной роли, которую играетъ у насъ буржуазія западноевропейская. Наше дворянство не погибло, какъ думаетъ авторъ, а слилось съ буржуазіей, обуржуазилось. Наша буржуазія, какъ мы указывали уже выше, охватываетъ и всероссійское купечество, и дворянство, и высшее чиновничество и къ ней, наконецъ, какъ источникъ предпринимательской энергіи и огромныхъ матеріальныхъ средствъ, надо причислить и многочисленныхъ

иностранныхъ капиталистовъ, создавшихъ у насъ крупное производство, непосредственно или посредственно устраивая въ Россіи свои собственные заводы, или ссужая казенныхъ и частныхъ предпринимателей своими милліардами. Невѣрно, по нашему мнѣнію, выясняетъ авторъ и причину, почему наша буржуазія достигла господства безъ насильственной революціи, почему она, по образному выраженію Кокорева, пришла не къ неизвѣстности, а къ упованію. Дѣло не въ томъ, что дворянское сословіе было слишкомъ слабо, чтобы оказать сопротивленіе «чумазому», а въ томъ, что капитализмъ перенесенъ былъ къ намъ уже въ готовомъ видѣ, что онъ уже на Западѣ продѣлалъ свою исторію съ ея насильственными буржуазными революціями; въ Россіи ему никто уже не оказывалъ сопротивленія, такъ какъ онъ совпадалъ съ выгодой не только купечества, но дворянства и чиновничества. Но какъ бы то ни было, авторъ брошюры твердо стоитъ на землѣ и во всѣхъ отношеніяхъ выгодно отличается отъ его превосходительства генералъ-лейтенанта Мартова, которому, кстати сказать, очень хочется быть высокопревосходительствомъ и полнымъ генераломъ отъ «Искры». Почтенный генералъ въ своей статьѣ «Всегда въ меньшинствѣ», помѣщенной въ № 2-3 «Зари», съ необычайной легкостью вспорхнулъ на воздухъ и повисъ тамъ въ очень неудобной и некрасивой позѣ.

«Въ области политическихъ злобъ дня — читаемъ мы въ этой статьѣ — интересы пролетаріата и буржуазной интеллигенціи — *какъ и всѣхъ нереакціонныхъ слоевъ имущихъ и привиллигированныхъ классовъ* — въ настоящее время и на достаточно долгій періодъ будущаго совпадаютъ во многихъ пунктахъ, поскольку общность тяготѣющаго надъ всѣми нами самодержавнаго ига *сковываетъ насъ всѣхъ крѣпкими узами солидарности порабощенныхъ противъ поработителей.*»

«И если въ дальнѣйшемъ изложеніи неоднократно подчеркивается необходимость для соціалистической интеллигенціи отдѣлиться, отмежеваться отъ либерально-буржуазнаго общества, то авторъ имѣетъ въ виду размежеваніе въ средѣ соціально-политическихъ *идей*. Но это не значитъ, чтобы онъ рекомендовалъ полити-

ческую изоляцію соціалистовъ отъ либеральнаго общества. Такая изоляція — въ виду отмѣченной выше извѣстной общности ближайшихъ политическихъ задачъ — была бы вредна для общаго дѣла борьбы съ абсолютизмомъ».

«Идейная борьба — разъ она ведется вполнѣ сознательно и открыто — не страшна для того (хотя бы и не формальнаго) *союза всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ общественныхъ элементовъ, который является* conditio sin qua non *для торжества дѣла свободы.* Наоборотъ эта идейная борьба должна привести *къ выживанію въ каждомъ лагерѣ элементовъ наиболѣе политически приспособленныхъ къ данной исторической обстановкѣ, властно требующей комбинированія силъ революціонныхъ и просто оппозиціонныхъ* элементовъ для достиженія наибольшаго эффекта въ борьбѣ съ самодержавіемъ. А это значитъ, между прочимъ, что взоръ того, кто удрученъ картиной повальнаго безлюдья въ либеральномъ лагерѣ, можетъ съ надеждой обратиться къ образу *будущихъ* мужей, которые вдохнутъ въ русскій либерализмъ новую жизнь, и явятъ намъ величавыя фигуры собственныхъ Іогановъ Якоби и Лассалевъ тамъ, гдѣ мы до сихъ поръ съ сокрушеніемъ видѣли однихъ только рыцарей «мирнаго культурнаго развитія.»

Послѣ всего этого уже совершенно послѣдовательнымъ является слѣдующее заявленіе Мартова:

«Общество признаетъ за пролетаріатомъ право идти въ хвостѣ *его* политическаго движенія, но оно категорически отрицаетъ — въ силу противоположности его классовыхъ интересовъ — право пролетаріата на политическую гегемонію. *И послѣднія событія въ Россіи показали, что воспитанный на «чисто экономической» борьбѣ пролетаріатъ пригоденъ какъ разъ къ роли такого хвоста и только хвоста.»* *)

Такъ оцѣнилъ генералъ Мартовъ обуховскія событія 1901 г.,**) такъ понялъ онъ силу и значеніе воспитаннаго на экономической почвѣ пролетаріата, кото-

---

*) Подчеркнуто, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ, повсюду мною. В. П.

**) Статья появилась въ свѣтъ приблизительно черезъ полгода послѣ безпорядковъ 1901 г. на Обуховскомъ заводѣ.

рый приблизительно черезъ годъ послѣ появленія статьи Мартова поразилъ весь міръ своими грандіозными всеобщими стачками.

Право, удивляешься, какъ не покраснѣли отъ стыда чернила соціалдемократической типографіи Дитца, печатавшей эти безстыжія строки. Онѣ вѣдь тогда еще не привыкли къ печатанью либеральныхъ статей «Освобожденія», но, впрочемъ, и въ «Освобожденіи» мы не встрѣчали утвержденія, что современный русскій пролетаріатъ пригоденъ только къ роли хвоста либеральнаго общества.

И какими въ дѣйствительности жалкими кажутся всѣ эти интеллигентные генералы Мартовскаго покроя, которые, если и умѣютъ пользоваться пролетарскими средствами борьбы, стачкой и бойкотомъ, то лишь для того, чтобы выжить изъ редакціи своего «уважаемаго товарища», полнаго генерала Ленина, котораго Мартовъ вѣроятно, имѣлъ въ виду, говоря объ «идейной борьбѣ» и «выживаніи элементовъ наиболѣе политически приспособленныхъ».

IV.

По искровской ортодоксіи самодержавіе—пережитокъ крѣпостного права, мѣшающій развитію у насъ капитализма. Пережитокъ этотъ часто называется крѣпостью, хотя и грозною, но, видимо, висящею въ воздухѣ. Уничтожить эту крѣпость въ интересахъ буржуазіи, которая въ Россіи также безправна, какъ и пролетаріатъ. Если буржуазія медлитъ со своимъ штурмомъ, то вѣроятно, лишь потому, что еще не достаточно подросли ея величавые Лафаэты и Якоби; она можетъ занять ихъ изъ искровскаго генеральнаго штаба и тогда этотъ штабъ поведетъ буржуазію въ союзѣ съ пролетаріатомъ на побѣдоносный штурмъ и произведетъ буржуазную революцію, уничтожитъ самодержавную крѣпость, заставитъ пролетаріатъ выстроить другую, болѣе крѣпкую, крѣпость капитализма и затѣмъ начнетъ готовить пролетаріатъ къ правильной осадѣ этой новой крѣпости.

Въ Россіи въ настоящее время въ рабскомъ положеніи одинаково находятся и Савва Морозовъ, и самый

послѣдній изъ его чернорабочихъ и самарскій купецъ Соколовъ, и самый бѣдный изъ его мужиковъ-арендаторовъ, у котораго Соколовымъ давно уже спущено двѣ шкуры и теперь сдирается третья и послѣдняя.

Марксистское положеніе о связи между политической и экономической силой въ Россіи не примѣнимо. Здѣсь классъ экономически могучій — политически совершенно безсиленъ.

«Позвольте», негодующе прервутъ насъ искровскіе «агенты», «Искра» говоритъ какъ разъ противоположное тому, что вы ей навязываете», и насъ забросаютъ цитатами, пестрящими «соціальной революціей», «борьбой съ капитализмомъ» и т. д. Эти цитаты извѣстны каждому искровскому «агенту» до агента 666 степени включительно *).

Почтенные господа агенты, мы хорошо знаемъ, что искровская ортодоксія не только двуликая, но многоликая, въ этомъ ея самая характерная особенность. Читая произведенія искровскихъ генераловъ, вы по всѣмъ вопросамъ найдете самыя разнорѣчивыя разсужденія: за либераловъ, противъ либераловъ, за Струве, противъ Струве, за терроръ, противъ террора, за всеобщую стачку, противъ всеобщей стачки; за нетерпимость въ принципіальныхъ вопросахъ, за самую широкую терпимость въ этихъ вопросахъ и. т. д. и т. д.

Въ этомъ отношеніи искровская ортодоксія совершенно совпадаетъ съ ортодоксіей іезуитской, и въ предыдущей главѣ мы для характеристики искристовъ могли пользоваться замѣчательной книгой Паскаля «Письма къ провинціалу о морали и политикѣ іезуи-

---

*) На «невиданнымъ» съѣздѣ, по утвержденію Бунда, въ защиту искровскаго устава партіи Плехановъ указывалъ «какое ошеломляющее впечатлѣніе на судей произвело заявленіе Желябова (кстати сказать вымышленное Плехановымъ), что онъ (Желябовъ, а не Плехановъ) не членъ исполнительнаго комитета, а лишь агентъ четвертой степени. «Ого», должны были подумать судьи, каковы же агенты первой степени!» «Что касается членовъ исполнительнаго комитета, то они должны были представляться имъ воображенію настоящими богами». Надо думать, что въ рѣшеніяхъ съѣзда, «не подлежащихъ оглашенію» имѣется постановленіе, по которому Плехановъ при случаѣ долженъ ошеломить судей, хотя бы женевскихъ, что онъ агентъ 666 степени. Число какъ извѣстно апокалепсическое!

товъ», которая написана два съ половиною вѣка тому назадъ, но по отношенію къ искристамъ не потеряла своей свѣжести. *) Соціалдемократы, не безусловно преклоняющіеся передъ искровской политикой и моралью, могутъ возразить намъ, что конечно въ произведеніяхъ искристовъ можно встрѣтить очень странныя мнѣнія, но что несправедливо было бы навязывать ихъ всей корпораціи.

Знаете ли вы, друзья мои, что буквально этими словами пытался сначала защищать іезуитовъ вѣрный католикъ Паскаль, пока одинъ изъ друзей не открылъ ему сущность духа іезуитскаго общества. «Вы думаете сдѣлать многое въ ихъ пользу, говорилъ Паскалю этотъ другъ,—указывая, что нѣкоторые изъ ихъ отцовъ столь же строго держатся евангельскихъ (соціалдемократическихъ) правилъ, насколько другіе имъ противорѣчатъ, и вы заключаете изъ этого, что эти неразборчивые взгляды не принадлежатъ всему обществу. Я хорошо это знаю; вѣдь, если бы это было такъ, они не допустили бы противоположныхъ имъ. Но, такъ какъ справедливо и то, что среди нихъ находятся представители столь распущенныхъ мнѣній, вы можете заключить отсюда такъ же и то, что духъ общества не есть духъ христіанской (соціалдемократической) строгости; такъ какъ въ такомъ случаѣ они не потерпѣли бы столь противныхъ ему.—Такъ что же! отвѣтилъ я, какое же можетъ быть намѣреніе всего общества? У нихъ, по всей вѣроятности, нѣтъ ничего установленнаго, и каждый свободенъ говорить то, что придетъ ему въ голову. — Этого не можетъ быть, отвѣтилъ онъ; такой многочисленный орденъ не могъ бы просуществовать при такомъ отчаянномъ поведеніи и безъ единой души, которая управляла бы имъ и направляла бы всѣ его движенія; кромѣ того, у нихъ *существуетъ особое правило: ничего не печатать безъ вѣдома ихъ настоятелей.* — Но какъ же! сказалъ я, какимъ образомъ одни и тѣ же настоятели могутъ одобрять столь различныя воззрѣнія? — Это то и надо объяснить вамъ, возразилъ онъ.

— Знайте же, что цѣль ихъ не въ извращеніи нра-

*) При цитатахъ намъ пришлось лишь въ одномъ мѣстѣ «христіанство» замѣнить словомъ «соціалдемократія»

вовъ: такого намѣренія нѣтъ у нихъ. Но и исправленіе ихъ не единственная цѣль ихъ: это было бы плохой политикой. Вотъ въ чемъ заключается ихъ замыселъ. У нихъ настолько хорошее о себѣ мнѣніе, что они считаютъ полезнымъ и какъ бы необходимымъ для блага религіи (соціалдемократіи), чтобы ихъ вліяніе распространилось повсюду, и они могли бы управлять всякою совѣстью. И такъ какъ строгія евангельскія (соціалдемократическія) правила пригодны для управленія людьми извѣстнаго рода, то они и пользуются ими въ этихъ случаяхъ, когда они благопріятны для нихъ. Но, такъ какъ эти правила не согласуются съ желаніями большинства людей, то они не примѣняютъ ихъ по отношенію къ такимъ людямъ, чтобы было чѣмъ удовлетворить всѣхъ. По этой-то причинѣ, что имъ приходится имѣть дѣло съ людьми всѣхъ положеній и столь различныхъ народностей, имъ и необходимо имѣть казуистовъ, которые приспособлялись бы ко всему этому разнообразію. На основаніи этого начала вы легко можете судить, что, если бы они придерживались однихъ только распущенныхъ казуистовъ, они повредили бы себѣ въ своемъ главномъ намѣреніи, состоящемъ въ томъ, чтобы привлечь къ себѣ всѣхъ людей; потому что люди дѣйствительно благочестивые ищутъ болѣе строгаго руководителя. Но такъ какъ людей такого рода не много, имъ и не нужно много строгихъ духовниковъ, чтобы руководить ими. Для немногихъ не много у нихъ и наставниковъ; между тѣмъ какъ толпа распущенныхъ казуистовъ предлагаетъ свои услуги толпѣ тѣхъ, которые ищутъ распущенности.

Посредствомъ такого руководительства, *услужливаго и принаравливающагося*, какъ называетъ это отецъ Пето, они простираютъ свои руки на весь міръ (всю россійскую соціалдемократію.)»

Іезуитизмъ развивается отнюдь не только на основѣ католической церкви, для него повсюду готова благопріятная почва, гдѣ группа лицъ заранѣе считаетъ себя призванной управлять массами, хотя бы во имя самыхъ благородныхъ и возвышенныхъ цѣлей. особенно, если эти лица не порождаются самой народной массой, а подходятъ къ ней со стороны, облаченные въ генеральскіе мундиры.

Отъ іезуитской морали не вполнѣ свободна даже нѣмецкая соціалдемократія, но тамъ свѣтъ гласности проникаетъ во всѣ партійные закоулки и не даетъ разростись іезуитизму; тамъ, кромѣ того, лишь часть вожаковъ пришла со стороны, большинство же вышло изъ рабочей массы; но все же, повторяю, и нѣмецкой соціалдемократіи приходится считаться съ опасностью іезуитской заразы.

На дрезденскомъ партейтагѣ много говорилось о статьѣ соціалдемократа Бернхарда «Партійная мораль», гдѣ выставлялись принципы партійной морали и политики, которые съ разныхъ сторонъ были названы на партейтагѣ іезуитскими. Бебель со всею силой своего негодующаго краснорѣчія обрушился на эту партійную мораль, такъ какъ по его мнѣнію наивный Бернхардъ выболтнулъ лишь то, что думаютъ многіе соціалдемократическіе вожди.

Прочитавъ одно мѣсто изъ статьи Бернхарда, гдѣ тотъ защищаетъ необходимость для партійныхъ вождей скрывать извѣстныя вещи отъ массы пролетаріата, какъ родители скрываютъ иногда правду отъ дѣтей, Бебель восклицаетъ: «Товарищи, могутъ ли быть выставлены болѣе ужасные принципы, какъ прочитанные? (Совершенно вѣрно!) Не издѣвательство ли это надо всѣмъ, что имѣетъ значеніе для партіи, для партійной жизни, для партійной прочности? (Совершенно вѣрно!) Этимъ ясно сказано: масса это — misera contribuens plebs римскихъ патриціевъ, это — масса надъ которой, встрѣчаясь, смѣются авгуры! Да, она хороша для работы, для агитаціи, для денежныхъ взносовъ, для подачи голосовъ, а въ остальномъ — она партійное стадо, она — дѣти, которымъ нельзя говорить всего, что думаешь! (Бурные апплодисменты) А партійные вожаки это ничшіанскіе сверхчеловѣки, люди силы, голова которыхъ полна широкихъ замысловъ, которые все знаютъ, все видятъ, все предусматриваютъ, они земное провидѣніе партійныхъ товарищей, которымъ передано руководство, ибо масса не въ состояніи руководить сама собой. (Очень хорошо!) Подобное выраженіе я уже раньше слыхалъ и жестоко схватился съ сказавшимъ его, но я боюсь, что многіе думаютъ такъ. Далѣе въ статьѣ говорится: «И, если она (партія) возникла, каждый принадлежащій къ ней индивидуумъ получа-

етъ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о своей, жизненной цѣли, и неужели вожди должны тогда разрушать это ощущеніе счастья сомнѣніями и недоумѣніями, и людей, жизнь которыхъ начала получать содержаніе, снова сбрасывать въ тупое массовое существованіе, только потому, что они не могутъ выносить непріятнаго чувства, испытываемаго ихъ культурною душою, если они не всегда могутъ сказать полную правду и должны кое что замалчивать?». «Культурная душа вождей, которые умалчиваютъ передъ массой, которые всегда даютъ массѣ лишь столько мудрости, сколько они находятъ для нея хорошимъ! Нѣтъ, чортъ возьми, сказалъ я себѣ: это не слыхано, чтобы партіи бросали въ лицо подобныя вещи. Кто выставляетъ подобныя положенія, тотъ не имѣетъ болѣе права принадлежать къ партіи. (Совершенно справедливо! и бурные апплодисменты). Я рѣшилъ послѣ партейтага идти во второй берлинскій избирательный округъ, гдѣ живетъ Бернхардъ и гдѣ я точно также организованъ, и, какъ выводъ изъ его поведенія, требовать его исключенія. (Оживленное одобреніе). Сегодня Бернхардъ взялъ назадъ сказанное имъ въ статьѣ. Я принимаю это и вмѣстѣ съ тѣмъ для меня падаетъ необходимость дальнѣйшихъ шаговъ противъ его личности. (Одобреніе). Вы видите, что мы дѣйствительно имѣемъ всѣ причины смотрѣть зорко. По отношенію къ товарищамъ, которые могутъ дѣлать то, что хотятъ, Бернхардъ — и теперь я говорю, можетъ быть правдивое слово — въ своей наивности высказалъ то, что нѣкоторые вожди думаютъ, но они чертовски осторожны и не даютъ этого замѣтить. Много говорятъ о терроризмѣ вождей, но нѣтъ партіи, гдѣ было бы менѣе терроризма вождей, чѣмъ въ соціалдемократіи, и это должно такъ остаться, необходимо, чтобъ такъ осталось. Кто хочетъ быть у насъ вождемъ, тотъ долженъ такъ дѣйствовать, какъ хочетъ партія, а не такъ, какъ хочетъ онъ. (Одобреніе). Онъ долженъ исполнять то, къ чему стремится масса, что она чувствуетъ и думаетъ. Вожди — *орудіе партіи, а не генералы и командиры, говорящіе: я иду впередъ, и вы должны мнѣ повиноваться, да масса этого и не потерпитъ*».

Бебель попадаетъ здѣсь не только въ Бернхарда

и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ вождей, но еще болѣе въ вождей русскихъ, и попадаетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые русскіе вожди при всей своей «дипломатіи» нерѣдко проявляютъ почти такую же наивность, какъ Бернхардъ. Такъ, напримѣръ, Плехановская редакція «Искры» въ отвѣтъ на требованіе Ленина «свѣта, побольше свѣта», замѣчаетъ: «товарищъ Ленинъ какъ будто забылъ и то, что политическій свѣтъ имѣетъ *свои законы интерференціи*, благодаря которымъ неумѣлое осуществленіе девиза *«больше свѣта»* ведетъ иногда къ затмѣнію. Стараться дѣлать пролетаріатъ судьею въ безчисленныхъ распряхъ, возникающихъ между кружками, значитъ склоняться къ самому худшему изъ видовъ псевдо-«демократизма».

Худшимъ видомъ псевдо-«демократизма» Плехановъ, видимо, считаетъ и уваженіе къ только что принятымъ постановленіямъ съѣзда. Съѣздъ отказался утвердить прежнюю редакцію «Искры», но Плехановъ, чтобы прекратить распрю между кружками, «кооптировалъ» всѣхъ прежнихъ членовъ редакціи, не выбранныхъ съѣздомъ, причемъ выбранному Ленину пришлось уйти изъ редакціи. Характерно, что Ленинъ въ письмѣ по поводу своего выхода изъ редакціи, которое тоже старались скрыть отъ пролетаріата, заявляетъ, что онъ соглашался, чтобы выходъ его не предавался гласности. Но особенно характерно для искровской партійной морали передовая статья «Чего не дѣлать» въ № 52. «Въ нашемъ центрѣ, говорится въ этой статьѣ, намъ нужны люди, отличающіеся не только смѣлостью, рѣшительностью и настойчивостью, но также огромной *осмотрительностью*. Они должны быть по истинѣ *мудры, какъ зміи.*»*) Изъ отвѣта редакціи на письмо Ленина въ № 53 мы узнаемъ еще, что не только въ центрѣ, но и вообще въ партіи, которая иносказательно называется «оркестромъ», рѣшительно неспособны къ участію люди *прямолинейные*. Зміи обыкновенно криволинейны. «Но первымъ признакомъ политической мудрости, поучаетъ криволинейная редакція «Искры», является умѣнье считаться съ даннымъ положеніемъ дѣлъ. Кто не обладаетъ такимъ умѣнь-

*) Въ обоихъ случаяхъ курсивъ въ подлинникѣ.

смъ, тотъ не рожденъ для политической дѣятельности, и тотъ поступитъ благоразумнѣе, если будетъ отклонять отъ себя всякія отвѣтственныя политическія роли. Политика требуетъ отъ людей, занимающихся ею, большой гибкости ума; она не знаетъ неизмѣнныхъ, разъ навсегда данныхъ правилъ». Далѣе выясняется, что люди разсуждающіе въ политикѣ по формулѣ «да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго, показали себя совершенно неспособными возвыситься до *діалектики*, что истина всегда конкретна и что все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста». «Въ политикѣ неизмѣнныя, разъ навсегда принятыя правила неизбѣжно и быстро ведутъ къ *пораженію*. Кто хочетъ стать достойнымъ *побѣды*, у того должно оставаться неизмѣннымъ одно только желаніе во что бы то ни стало прійти къ своей цѣли. Все остальное у него можетъ и должно быть измѣнчиво, потому что все остальное имѣетъ для него лишь *относительную* цѣнность».

Для выясненія необходимости зміиной политики говорится слѣдующее: «Всѣ мы такъ называемые ортодоксы,—обязаны вести энергичную и непримиримую борьбу съ «*ревизіонизмомъ*» во всѣхъ его видахъ и разновидностяхъ. «Ревизіонизмъ» совершенно несогласимъ съ нашими взглядами. Его конечный выводъ —полное отрицаніе *соціализма*. Поэтому помириться съ ревизіонизмомъ можетъ только тотъ, кто сознательно или безсознательно склоняется въ примиренію съ существующимъ *буржуазнымъ* порядкомъ вещей. Таково общее правило. Спрашивается, значитъ-ли оно, что, всегда враждуя съ *ревизіонизмомъ*, мы всегда и вездѣ обязаны враждовать съ *ревизіонистами*? Люди, отличающіеся «прямолинейностью извѣстной птицы», конечно, скажутъ, что — да. Мы же полагаемъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, наша практическая политика должна опредѣляться обстоятельствами времени и мѣста.»

Эти «обстоятельства времени и мѣста», по мнѣнію автора, могутъ повести къ необходимости мира съ ревизіонистами, такъ какъ война съ ними можетъ оказаться полезной для ревизіонизма, не ослабляя, а усиливая его. Далѣе идутъ наставленія въ смыслѣ миролюбія, мягкости.

Если вспомнить, что редакціонная коллегія, къ которой принадлежалъ и авторъ статьи «Чего не дѣлать?», выставляла на своемъ знамени войну съ ревизіонистами, если принять во вниманіе, что несомнѣнно тотъ же авторъ, который написалъ передовицу въ № 52-мъ,—въ передовицѣ № 49 (т. е. приблизительно за мѣсяцъ) сожалѣетъ, что дрезденскій партейтагъ не достаточно круто обошелся съ ревизіонистами, не исключилъ ихъ изъ партіи и повторяетъ нелѣпую фразу о томъ, что если нѣмецкая соціалдемократія не похоронитъ Бернштейна, то Бернштейнъ похоронитъ нѣмецкую соціалдемократію, если вспомнить все это, то получастся превосходная иллюстрація къ іезуитской морали. Впрочемъ, и сама по себѣ статья «Чего не дѣлать» сдѣлала бы честь любому ученику Игнатія Лойолы.

«Нашъ центръ *обязанъ* очень строго относиться къ нарушенію дисциплины въ нашихъ рядахъ. И тѣмъ не менѣе было бы очень жаль, если бы онъ временами не умѣлъ воздерживаться отъ исполненія этой своей важной обязанности». «Ясно также, что въ интересахъ поддержанія и укрѣпленія дисциплины иногда бываетъ полезно закрывать глаза на ея нарушеніе».

Всѣ эти фразы почти буквально можно найти въ сочиненіяхъ іезуитовъ.

У Плеханова для іезуитской политики имѣется свое наименованіе — дипломатія. Въ № 4 «Зари» онъ указываетъ, между прочимъ, что «Группа Освобожденіе Труда» внесла въ свою программу государственную помощь производительнымъ товариществамъ и очень неопредѣленно формулировала аграрныя требованія въ угоду народническимъ *предразсудкамъ*.

По поводу спеціально аграрныхъ требованій Плехановъ говоритъ: «Эти послѣднія должны были особенно сильно затрогивать народническіе предразсудки нашихъ тогдашнихъ революціонеръ. Группа „Освоб. Труда“ хорошо понимала это и потому выражалась очень „дипломатично“».

При составленіи проекта программы «Искры-Зари» Плехановъ, навѣрное, тоже руководствовался не своими убѣжденіями, а «предразсудками» на этотъ разъ соціалдемократическими.

Выступая на «небываломъ съѣздѣ» противъ по-

правки, устанавливающей «двухлѣтнюю продолжительность парламента», Плехановъ, по словамъ отчета делегаціи Бунда, «высказалъ чрезвычайно характерныя мысли, которыя стоитъ отмѣтить. Мы—говоритъ онъ приблизительно—не должны связывать себя никакими сроками. Если парламентъ будетъ хорошъ, мы продлимъ его полномочія на 6, 7 лѣтъ, вообще сдѣлаемъ его произвольно долгимъ; если онъ будетъ плохъ, мы его разгонимъ въ нѣсколько дней. То же самое относится ко всѣмъ нашимъ программнымъ требованіямъ, не исключая и такого кардинальнаго пункта, какъ всеобщее избирательное право: можетъ наступить моментъ, когда намъ придется, въ интересахъ пролетаріата, лишить избирательнаго права нѣкоторые слои буржуазіи».

Да, такія «мысли» стоитъ отмѣтить, но, читая ихъ не знаешь, стоитъ ли огорчаться и не лучше ли просто разсмѣяться.

Въ «дипломатіи» Плехановъ по его собственнымъ словамъ *) былъ «слишкомъ опытенъ» уже въ 1882 г., когда онъ вмѣстѣ съ «дипломатомъ» Львомъ Тихомировымъ состоялъ въ редакціи «Вѣстника Народной Воли».

«Дипломатъ» Тихомировъ не скрылъ, впрочемъ, отъ товарища по редакціи дипломата Плеханова своей душевной пустоты, дряблости и просто дрянности. По словамъ Плеханова «г. Тихомировъ «съ ученымъ видомъ знатока» изрекалъ сугубыя глупости всякій разъ, когда заходила рѣчь о Марксѣ». Онъ былъ въ сущности совершенно равнодушенъ «ко всему, что выходило за предѣлы узко-практическихъ нуждъ «партіи». «По поводу происходившихъ тогда на югѣ антиеврейскихъ безпорядковъ онъ разсуждалъ, какъ антисемитъ». Съ нѣмецкой соціалдемократической партіей Тихомировъ не хотѣлъ сближаться, потому что въ партіи, состоящей изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, навѣрное, много никуда негоднаго народа и ни въ какія дѣловыя сношенія съ нею вступать невозможно».

---

*) См. Почему и какъ мы разошлись съ редакціей «Народной Воли» въ № 54 «Искры».

«Не менѣе крупные перлы его взглядовъ выступали чуть не ежедневно на божій свѣтъ»...

И вотъ съ этимъ-то человѣкомъ дипломатъ Плехановъ рѣшился «*подготовить* русскаго читателя къ усвоенію соціалдемократическихъ взглядовъ».

Убѣжденный соціалдемократъ Плехановъ могъ «только одобрять уступчивость г. Тихомирова», который, считаясь членомъ Исполнительнаго Комитета Народной Воли, соглашался изъ «дипломатіи» и желанія привлечь будущихъ членовъ Группы «Освобожденіе Труда» напечатать въ первой же книжкѣ «Вѣстника Народной Воли» статью Плеханова, въ которой тотъ утверждалъ, что партія «Народной Воли» «*была самой революціонной, но за то (!) и самой безпринципной изъ всѣхъ существовавшихъ у насъ партій*»*).

«Дипломатія» Тихомирова не возмущала Плеханова; напротивъ, онъ, видимо, за нее прощалъ ему и безпринципность, и антисемитизмъ.

Разъединила Плеханова и Тихомирова, по словамъ перваго, «тайная полиція» въ лицѣ Дегаева. Подъ вліяніемъ Дегаева Тихомировъ отказался отъ «дипломатіи», не нашелъ возможнымъ принять Плеханова и товарищей въ «партію Народной Воли», какъ цѣлую группу и «рѣшительно высказался *противъ* соціалдемократіи».

„«*Это было непріятно, но дѣлать было нечего*»**). Я вышелъ изъ редакціи «Вѣстника Народной Воли». Мы выступили, какъ группа, назвавшаяся группою «Освобожденіе Труда», и моя статья «*Соціализмъ и политическая борьба*» явилась въ видѣ отдѣльной брошюры послѣ того, какъ я дополнилъ ее и *значительно смягчилъ заключавшуюся въ ней критику «партіи Народной Воли»****).

Свои воспоминанія Плехановъ заканчиваетъ меланхолическимъ замѣчаніемъ: «Думайте объ этомъ, что хотите, я же повторю: *человѣкъ предполагаетъ, а тайная полиція располагаетъ*».

Человѣкъ предполагалъ вступить «въ самую без-

---

*) Курсивъ Плеханова, восклицательный знакъ послѣ «за то» поставленъ мною. В. П.

**) Подчеркнуто мною. В. П.

***) Курсивъ Плеханова.

принципную изъ всѣхъ существовавшихъ у насъ партій» и дѣйствовать тамъ въ союзѣ съ антисемитомъ Тихомировымъ, а тайная полиція расположила дѣла такъ, что онъ основалъ Группу «Освобожденіе Труда», породившую «Соціалдемократъ», «Искру», «Зарю», «Лигу» и въ концѣ концовъ «партію».

Благодѣтельница эта «тайная полиція»! Въ данномъ случаѣ она оказалась благодѣтельнѣе самой «дипломатіи». Но «дипломатія», какъ видите, не умерла и собирается пышно расцвѣсти на страницахъ «Искры».

Характерно, что эту «дипломатію», спеціально статью «Чего не дѣлать?» либеральное «Освобожденіе» привѣтствовало, прямо захлебываясь отъ восторга. Дипломатическая статья «Искры» — «знаменательный поворотъ», она «крупное и исключительное событіе», общественное значеніе котораго должно быть сознано представителями всѣхъ группъ нашей оппозиціи».

Освобожденскій дипломатъ, правда, не рѣшается утверждать, чтобы авторъ искровской статьи «ясно сознавалъ то значеніе, которое имѣютъ развитыя имъ мысли» и отрекался отъ принятой имъ соціалдемократической тактики. Это отреченіе по словамъ «Освобожденія» «въ глазахъ единомышленниковъ автора было бы преступною измѣной», но освобожденцы «могли бы только привѣтствовать» его.

Но и безъ этой «преступной измѣны» искровская «дипломатія» прямо нектаръ для «дипломатіи» освобожденской.

Взгляды статьи «Чего изволите?»... виноватъ... «Чего не дѣлать?», по мнѣнію освобожденца о дипломата «не погибнутъ, а разовьются и будутъ широко практически использованы. Русскій же либерализмъ долженъ съ своей стороны сдѣлать все возможное, чтобы содѣйствовать этому процессу».

Да проститъ намъ читатель эту продолжительную экскурсію въ область іезуитской политики или искровской «дипломатіи». Она, казалось намъ вообще поучительной и въ частности объясняющей, почему мы останавливаемся на буржуазномъ ликѣ искровской ортодоксіи, какъ на самомъ характерномъ.

Согласно съ буржуазнымъ ликомъ искровской ортодоксіи, искровскіе генералы придаютъ особенное значеніе положенію своей программы, гласящему, что

«Рос. С.-Д. Р. Партія поддерживаетъ всякое оппозиціоннос и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка». Даже на «невиданномъ *) съѣздѣ» нашлись лица, которыхъ смутило обязательство поддерживать «всякое оппозиціонное движеніе», и Плеханову пришлось внѣ очереди опровергать «новыя заблужденія». Въ концѣ концовъ поддержка всякаго оппозиціоннаго движенія была принята, хотя, навѣрное, не всѣмъ было ясно, что это за штука «всякое оппозиціонное движеніе».

Одновременно съѣздъ постановилъ «считать дѣятельность соціалистовъ-революціонеровъ вредной не только для политическаго развитія пролетаріата, но и для обще-демократической борьбы противъ абсолютизма» и, по предложенію Плеханова, «настоятельно рекомендовалъ всѣмъ товарищамъ обращать въ своей пропагандѣ вниманіе рабочихъ на антиреволюціонный и противопролетарскій характеръ того направленія, которое выразилось въ органѣ г. Петра Струве „Освобожденіе“».

---

*) «Невиданнымъ» съѣздъ искристовъ называетъ сама «Искра». Она имѣетъ въ виду «невиданную полноту представительства». Но его можно назвать *невиданнымъ и неслыханнымъ* по многимъ другимъ основаніямъ. Онъ считался съѣздомъ не русской, а россійской партіи, представляющій пролетаріатъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россійскую имперію, но на него не были приглашены представители ни латышскаго, ни литовскаго, ни большинства польскаго пролетаріата. Приглашенные представители еврейскаго и небольшой части польскаго пролетаріата ушли, отказавшись отъ удовольствія участвовать въ искровской россійской партіи, тѣмъ не менѣе «партія» осталась «россійской», а не русской.

Невиданнымъ и неслыханнымъ надо признать и воскресеніе группы «Освобожденія Труда», получившей два голоса на ряду съ «Лигой» и организаціей «Искры», хотя всѣ члены «группы» уже раньше вошли и въ «Лигу», и въ «Искру». Видно, что генералы уже теперь готовятся «дѣлать» выборы. Эффектно было и «неслыханное» распаденіе «Кавказскаго Союза» на три комитета съ превращеніемъ двухъ голосовъ въ шесть.

«Невиданнымъ» можно назвать и воздержаніе почти половины членовъ при важнѣйшихъ голосованіяхъ. Невиданной и неслыханной была, по выраженію «Бунда», та «аркадія», которая наступила на съѣздѣ послѣ удаленія «всякаго революціоннаго и оппозиціоннаго движенія». Искровскіе пастушки сначала цѣловались, потомъ неожи

Эти два «движенія», значитъ, исключаются изъ «поддержки», можетъ быть, потому, что они кажутся Плеханову недостаточно буржуазными.

Въ своей резолюціи Плехановъ уже прямо выставляетъ аксіому, «что соціалдемократія должна поддерживать буржуазію». Въ программѣ «дипломатично» сказано, что Р. С.-Д. Р. П. поддерживаетъ «всякое революціонное и оппозиціонное движеніе», но не упомянуто, что оно должно быть непремѣнно буржуазнымъ; въ резолюціи же «дипломатія» сплоховала, и изъ нея ясно, что поддерживать можно только буржуазію и не ту, которая считаетъ своимъ выразителемъ Струве, а ту, которая стоитъ направо отъ него, ибо буржуазіи болѣе лѣвой, чѣмъ «освобожденцы» въ Россіи не существуетъ. Плехановъ, видимо, хочетъ заставить свою партію поддерживать лучше столь милыхъ его сердцу Колупаевыхъ и Разуваевыхъ съ ихъ «бурными стремленіями».

Однако довольно!

Поучительно знакомство съ людьми, которые, слѣдуя совѣту Плеханова, сразу сдѣлались «миролюбивыми, мягкими, уступчивыми», а, главное, «мудрыми, какъ зміи», но все же оно часто вызываетъ въ душѣ чувство, заставившее Тургенева воскликнуть: «Дальше, читатель, дальше!..»

данно стали кусаться и грызться. Они грызутся и до сихъ поръ, хотя со времени невиданнаго съѣзда прошло, по крайней мѣрѣ, пять мѣсяцевъ.

Не знаемъ, какое названіе приметъ съѣздъ оффиціально: «невиданный» или «неслыханный». По французски его бы Плехановъ, навѣрное, назвалъ «introuvable» («лучше не найдешь»), какъ Людовикъ XVIII въ первую минуту назвалъ «палату», состоявшую казалось изъ его крайнихъ приверженцевъ. Эта палата безъ преній отмѣнила разводъ, какъ «позорное учрежденіе», но во многихъ другихъ отношеніяхъ палата не оправдала ожиданій Людовика XVIII. И съѣздъ надо полагать не оправдалъ ожиданій Плеханова. О «разводѣ» на съѣздѣ, кажется, не говорили, но зато тамъ, если вѣрить «Послѣднимъ извѣстіямъ», происходило очень торжественное «вѣнчаніе», не знаемъ только: было ли это вѣнчаніе на бракъ или на царство?

V

Въ то время какъ освободители труда декретируютъ изъ за границы поддержку буржуазіи, представители труда, пролетаріи въ Россіи, какъ и во всемъ мірѣ, принуждены вести неустанную, непрерывную борьбу какъ съ русской, такъ и съ международной буржуазіей. Одну и ту же борьбу съ одними и тѣми же по своей сущности хищниками наживы приходится вести всѣмъ рабочимъ Россіи, рабочимъ русскимъ, польскимъ, литовскимъ, еврейскимъ, латышскимъ и т. д. на заводахъ и фабрикахъ *казенныхъ* и *частныхъ*, принадлежащихъ какъ *русскимъ*, такъ и *иностранцамъ*, какъ *дворянамъ*, такъ и *купцамъ*.

Борьба повсюду ведется на *экономической* почвѣ изъ за столь презираемыхъ многими интеллигентными революціонерами копѣекъ заработной платы и получасовъ рабочаго времени и повсюду рабочимъ приходится въ концѣ концовъ сталкиваться съ главнымъ боевымъ орудіемъ буржуазіи, государственною властью въ лицѣ полицейскихъ и казаковъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Жизнь каждымъ своимъ ударомъ учитъ русскихъ рабочихъ, что «хозяева» и «начальство» — тѣсно сплоченная сила, глубоко враждебная трудящемуся люду, а вы хотите убѣдить пролетаріатъ, что онъ долженъ идти съ хозяевами противъ начальства! Тщетныя усилія!

Помню нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось осматривать знаменитую Юзовку. Ночью я любовался вихремъ бѣлаго пламени, вырывавшагося изъ бессеменовой печи и миріадами искръ, осыпавшими темное небо; я съ восторгомъ слѣдилъ, какъ раскаленныя глыбы металла съ необычайной быстротой превращались въ огненные змѣи, которыя, слегка дрожа и изгибаясь, съ шипѣніемъ пробивались чрезъ отверстія поставленныхъ препятствій и затѣмъ подъ ударами вертящейся пилы падали раскаленными готовыми рельсами. Днемъ я осмотрѣлъ рабочіе дома, школы, больницы, санитарныя приспособленія и т. п. и возвращался въ «господскій» домъ Юзовъ, если далеко не очарованный, то все же удивленный культурностью

этого промышленнаго города, «созданнаго» англійскими капиталами среди новороссійскихъ степей; какъ вдругъ мой взглядъ упалъ на красивое высокое зданіе, построенное въ сторонѣ и на возвышеніи и какъ бы господствующее надъ всей Юзовкой.

— А это что такое? спросилъ я сопровождавшаго меня «завѣдующаго» юзовскимъ «помѣстьемъ» съ его 40 тысячами жителей.

— Это — казачья казарма, построенная тоже на счетъ завода. Благодаря хлопотамъ профессора Д. И. Менделѣева, въ Юзовкѣ теперь постоянно стоятъ казаки, а заводъ принялъ на себя расходы по ихъ содержанію...

Какой трогательный союзъ: великій русскій ученый, либеральный англійскій капиталистъ и казачій офицеръ съ нагайкою въ рукахъ!

Кого изъ троихъ прикажете поддерживать. И вы можете мѣнять эти фигуры. Вы можете мѣнять эти фигуры, не стѣсняясь національностью, ученой спеціальностью и родомъ оружія — суть союза не измѣнится.

Для иллюстраціи того, *какъ* воюетъ буржуазія съ самодержавіемъ, можно взять любой изъ газетныхъ отчетовъ о всевозможныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ горнозаводчиковъ, сахарозаводчиковъ, винокуровъ и д. т.

Со стороны капиталистовъ мы слышимъ на всѣхъ этихъ съѣздахъ «просьбы» и «жалобы», звучащія какъ самыя рѣшительныя «требованія», со стороны представителей правительства готовность сдѣлать все, что угодно господамъ фабрикантамъ и заводчикамъ, лишь бы они считались съ предѣлами «физически возможнаго». «Господа!», — сказалъ на съѣздѣ винокуренныхъ заводчиковъ тов. мин. финансовъ Коковцевъ — «по опыту послѣднихъ восьми лѣтъ заводчики знаютъ, какъ чутко относится министерство финансовъ ко всѣмъ ихъ нуждамъ и, если чего оно не можетъ сдѣлать, то значитъ это уже совершенно невозможно!» *)

Послѣ «съѣздовъ», «совѣщаній» и просто «воздѣйствій», преміи, нормировки охранительныя пошлины и пр. сыплются на заводчиковъ и фабрикантовъ особенно усиленно; но не дремлютъ, конечно, и круп-

*) Цитировано по статьѣ Д. Соскиса «Экономическая политика г. Витте», въ № 3 нелегальной «Жизни».

ные землевладѣльцы - дворяне: для нихъ ссуды съ прощеніемъ недоимокъ, кассы помощи и проч.

Огромное большинство капиталистовъ и землевладѣльцевъ отлично понимаетъ, что никакая «конституція» не можетъ для нихъ сдѣлать то, что «уже совершенно невозможно». Конституція начинаетъ выступать въ ихъ воображеніи, какъ нѣчто желательное, когда особенно сильно вздымаются волны рабочаго и крестьянскаго движенія, но имъ, конечно, хочется такой конституціи, которая бы не ослабила, а усилила «государственную власть» и сдѣлала ее способною справиться съ рабочимъ и крестьянскимъ движеніемъ

Что конституціонныя вожделѣнія даже «*прогрессивнаго* элемента земства» вызываются страхомъ передъ рабочимъ и крестьянскимъ движеніемъ, показываетъ извѣстное «открытое письмо отъ группы земскихъ дѣятелей, въ N⁰ 2 «Освобожденія».

«Между тѣмъ, — говорится въ письмѣ, «новѣйшая реакціонная политика самодержавной бюрократіи потерпѣла полнѣйшее банкротство. Такъ, крестьянской реформой, съ введеніемъ земскихъ начальниковъ и новымъ продовольственнымъ уставомъ, думали дать близкоскъ народу отеческое попеченіе и нужную дисциплину,—*а дождались небывалыхъ за послѣднее время по своимъ размѣрамъ областныхъ крестьянскихъ бунтовъ*».

«Не касаясь множества другихъ, не менѣе неудачныхъ попытокъ. бюрократіи усилить свое вмѣшательство, приведемъ лишь разительный примѣръ близорукаго ея ослѣпленія въ стремленіи «объять необъятное» *и взять въ свои немощныя (!) руки даже такія сложныя стороны жизни общества, какъ рабочій вопросъ. А на дѣлѣ получается поразительное по своему стремительному росту рабочее движеніе!* И такъ, бюрократія, получивъ совершенно несвойственное себѣ (?!) развитіе и проникая въ всѣ самыя затаенныя и чувствительныя мѣста частной жизни русскихъ людей, дѣйствительно все (?) перепутала, расшатала, озлобила и *готовитъ ужасную катастрофу* и не только себѣ, но, можетъ быть, *и многимъ культурнымъ сторонамъ русской жизни.*

Не менѣе сбылось предсказаніе Сперанскаго насчетъ *уничтоженія бюрократіей и самодержавія.*»*)

*) Подчеркнуто всюду мною.

Такимъ образомъ, «прогрессивные элементы земства», какъ рекомендуетъ авторовъ этихъ тирадъ Струве, недовольны бюрократіей, что она все въ Россіи «расшатала», что при ней развилось рабочее движеніе, начались крестьянскіе бунты, что она ведетъ Россію къ революціи. Поэтому долой бюрократическое самодержавіе и да здравствуетъ самодержавіе дворянское. Либеральные чумазые поютъ ту-же пѣснь и кричатъ: долой бюрократическое самодержавіе, да здравствуетъ самодержавіе чумазое.

Бюрократія служитъ въ настоящее время одновременно различнымъ слоямъ буржуазіи (въ томъ числѣ и землевладѣльческой) и при этомъ получаетъ, конечно, и сама до нѣкоторой степени самостоятельное значеніе, становясь какъ бы отдѣльнымъ слоемъ буржуазіи. Всѣ эти слои тѣсно связаны между собою, (иногда одно и то же лицо принадлежитъ одновременно къ разнымъ слоямъ), но все же между ними происходятъ трепія, каждому слою кажется, что, будь вся власть въ его рукахъ, онъ лучше бы всего управился съ революціоннымъ движеніемъ и укрѣпилъ существующій общественный порядокъ. Въ концѣ концовъ эти трепія могутъ повести къ договору по распредѣленію вліянія на государственную власть и участія въ дѣлежѣ казеннаго пирога, могутъ повести къ «конституціи».

Эта буржуазная конституція само по себѣ нисколько не измѣнила бы положенія рабочаго класса, но возможно, что она облегчила бы его освободительное движеніе. Но какое бы значеніе не придавать этой буржуазной конституціи. этой юридической санкціи фактически уже существующаго самодержавія буржуазіи, она ни въ коемъ случаѣ не можетъ явиться результатомъ союза буржуазіи съ пролетаріатомъ; она можетъ лишь явиться результатомъ страха буржуазіи передъ пролетаріатомъ.

Пролетаріатъ въ своей борьбѣ стремится уничтожить не формальное самодержавіе царя, а сущность бюрократическаго самодержавія, которое выражаетъ собою среднюю волю различныхъ слоевъ господствующей въ Россіи буржуазіи. Въ этой борьбѣ всегда и всюду всѣ слои буржуазіи одинаково враждебны пролетаріату, и, если какой нибудь слой буржуазіи сталъ бы притворяться его союзникомъ, то пролетаріатъ дол-

женъ не колеблясь отвергнуть этотъ союзъ и продолжать безъ колебаній и отклоненій идти къ своей цѣли — къ устраненію эксплуатаціи и угнетенія человѣка человѣкомъ.

Кокоревъ въ своей выше приведенной рѣчи сказалъ: «Мы читали исторію европейскихъ народовъ внимательно и обратили въ нашу пользу самую нашу запоздалость». «Мы» — въ данномъ случаѣ — русская буржуазія.

Пусть же и русскій пролетаріатъ внимательно читаетъ исторію европейскихъ народовъ, пусть и ему послужитъ на пользу его запоздалость, пусть онъ внимательно читаетъ исторію всѣхъ безчисленныхъ предательствъ западно-европейской буржуазіи, на зовъ которой такъ часто шелъ простодушный и великодушный рабочій пролетаріатъ, чтобы залить своей кровью улицы Парижа, Ліона и многихъ другихъ городовъ, подъ выстрѣлами и ударами своихъ союзниковъ и ихъ наемниковъ. Пусть онъ внимательно читаетъ исторію іюньскихъ дней 1848 г., когда по распоряженію либеральнаго республиканца Кавеньяка были зарѣзаны и разстрѣляны десятки тысячъ парижскихъ рабочихъ. Пусть онъ внимательно читаетъ кровавыя страницы избіенія парижскихъ коммунаровъ, когда представители либеральной буржуазіи, когда свободомыслящіе республиканцы показали еще больше жестокости и звѣрства, чѣмъ палачи современнаго русскаго «самодерж вія».

Онъ оцѣнитъ тогда и змѣиную мудрость тѣхъ своихъ друзей, которые хотятъ заставить его поддерживать русскую буржуазію.

Русскій пролетаріатъ, какъ мы указали въ началѣ этой главы, созданъ не только русской буржуазіей, онъ созданъ буржуазіей всемірной. За русской самодержавной бюрократіей стоитъ не только русская буржуазія, за ней стоитъ буржуазія всемірная. И въ тотъ моментъ, когда пролетаріатъ Россіи могучимъ ударомъ разобьетъ самодержавную бюрократію, въ тотъ моментъ дрогнетъ и пошатнется весь буржуазный міръ, сразу исчезнетъ все его упованіе, и подъ дружными ударами пролетаріевъ всѣхъ странъ разрушится міръ наживы и насилія и воспрянетъ міръ свободнаго труда и общечеловѣческаго братства.